

DOI: 10.24411/2308-8079-2020-00001

УДК 351.74(470.2)

**СТАНОВЫЕ ПРИСТАВЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ОФИЦЕРЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПОЛИЦИИ В ГОДЫ МИРА И ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Пулькин М.В.

Статья посвящена деятельности становых приставов, являющихся особой значимой группой офицеров полиции в уездах Российской империи, в том числе, на ее северных окраинах. Основные задачи профессиональной деятельности приставов заключались в поддержании общественного порядка, всестороннем контроле над подведомственными им местными жителями, наблюдении за состоянием дорог, предотвращении эпидемических заболеваний. По мере усложнения общественно-политической жизни в стране на приставов была возложена обязанность следить за настроениями, господствующими на вверенных их попечению территориях.

Ключевые слова: полиция, становые приставы, законодательство, крестьянство, правопорядок, Российская империя, провинция.

**CHIEF BAILIFFS IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES:
EMPIRE POLICE OFFICERS DURING PEACE AND WAR
(BY THE MATERIALS OF THE OLONETS PROVINCE)**

Pulkin M.V.

The article discusses the activities of the chief bailiffs, a special significant group of police officers in the counties of the Russian Empire, including its northern outskirts. The main tasks of the bailiffs' professional activities were to maintain public order, comprehensive control over local residents subordinate to them, monitor the condition of roads and prevent epidemic diseases. As the socio-political life in the country became more complicated, the bailiffs were entrusted with the duty of monitoring the mood prevailing in the territories entrusted to them.

Keywords: police, chief bailiffs, legislation, peasantry, law and order, Russian Empire, province.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

Низшие должностные лица полицейской службы (прежде всего, урядники и стражники) нуждались в непрерывном контроле, который в соответствии со своей компетенцией усердно осуществляли разнообразные полицейские чины [2; 3]. Особое место в их числе занимают становые приставы. Так называлось должностное лицо, возглавлявшее *стан* — полицейско-административный округ из нескольких волостей. Должность становых приставов была учреждена в 1837 г. в соответствии с Положением о земской полиции [6]. Согласно документу, каждый уезд делился на участки, называемые станами, «сообразно с обширностью оного». Существенное значение при формировании станов имели особенности населения и другие местные обстоятельства. Становые приставы обязывались находиться в одном из наиболее удобных для организации контроля мест своего участка, выбираемого по усмотрению губернской администрации. Для исполнения распоряжений станового пристава и непосредственного надзора за состоянием дел в подчинение приставам определялись сотские и десятские. При назначении на должности становых приставов немалую роль играли «имущественный ценз и предшествующий социальный статус» [28, с. 101].

При служебной квартире станового пристава постоянно находились десятские. На эту хлопотную должность их выбирали из крестьян волостей, входящих в полицейский округ (стан). Разделение территории Олонецкой губернии на станы произведено в 1838 г., о чем в губернских ведомостях представлена подробная информация [14, с. 9]. Начиная с 1862 г. в порядке управления сельской полицией произошли существенные изменения. Отныне

приставы подчинялись уездному полицейскому управлению в лице его главы – уездного исправника. Обязанности приставов состояли из двух частей. Во-первых, *исполнительная часть*, т.е. непосредственное исполнение, а также наблюдение за точным исполнением законов и распоряжений правительства. Во-вторых, они обладали широкими *судебно-полицейскими функциями*, связанными с повседневным поддержанием правопорядка. В их подчинении находились сотские и десятские, а начиная с 1878 г., – новые должностные лица – полицейские урядники. Должность станового пристава просуществовала до февраля 1917 г.

Связь между крестьянским самоуправлением и деятельностью приставов оставалась вполне очевидной. Контакты поддерживались путем исполнения повинностей, возложенных на волости, входящие в состав стана. Губернское правление, определяя порядок деятельности приставов и десятских, предписывало, чтобы при станowych квартирах находились по одному десятскому. Их следовало назначать в минимально необходимом количестве: «не от каждой волости, состоящей в стане». Полицейские десятские должны «состоять в непосредственном подчинении полицейского начальства». Следовательно, «назначение их в становую квартиру и установление для того очередей не зависит от волостных правлений». Решение вопроса здесь целиком «подлежит распоряжению сотских». Они обязаны действовать «по предварительному между собою соглашению, под наблюдением станowych приставов». В том случае, если крестьяне сочтут более удобным для себя нанять желающих исполнять обязанности десятских за небольшую плату, местная полиция шла им навстречу. Но изменения в порядке несения службы возможны «не иначе, как с разрешения полицейских управлений» [8, с. 455].

Исправники с полным основанием обращали внимание, как своих подчиненных, так и губернского начальства на недостатки, проявившиеся в деятельности приставов в сфере подбора кадров. Как указывал петрозаводский уездный исправник, на должности дежурных десятских, находящихся при приставах, «нанимаются волостными правлениями лица, иногда

несоответствующие своему назначению». Между тем они должны быть «вполне грамотны и развиты», так как на них «возлагаются иногда довольно серьезные поручения» [24, л. 1]. Кроме дежурных, при месте пребывания станowego пристава располагалось помещение для временно содержащихся под стражей. Первые более-менее подробные документы об арестантских помещениях при станowych квартирах относятся к 1900 г. Как сообщал вытегорский уездный исправник, «за последние три года при станowych квартирах арестантов по решениям судебных мест и по преступлениям во время производства дознаний и следствий не содержалось». По постановлениям земских начальников аресту подвергались «лишь только должностные лица волостного и сельского начальства»: сотские и десятские, проштрафившиеся на службе. Период содержания под стражей составлял от одного до семи дней. Все заключенные принадлежали к податному сословию, арестовывались они исключительно в наказание за неверное исполнение должностных обязанностей или полную бездеятельность [21, л. 5]. Аналогичные сведения представили другие уездные полицейские начальники. Они сообщали, что, хотя на подведомственных им территориях и имеются становые квартиры с помещениями для задержанных, арестанты в них за последние три года не содержались [23, л. 12].

Становые приставы по должности входили в состав земского суда. В сферу его компетенции входило наблюдение за точным соблюдением законов, судебных приговоров и предписаний начальства, розыск и арест воров и разбойников, поимка беглых и беспаспортных. Суд расследовал случаи насильственной смерти, содействовал предотвращению лесных пожаров и осуществлял повседневный контроль над гостиницами, трактирами, кофейными домами [1, с. 9]. Современники событий придавали деятельности станowych приставов особое значение. По их мнению, «настоящим, ответственным полицейским агентом во всем, нередко весьма обширном полицейском стане являлся единственно становой пристав». От него требовались такие явно сверхъестественные способности, которые не по силам

ни одному человеку: «вездесущность, всезнание и не прекращающаяся ни на минуту бдительность» [29, с. 8]. Становые приставы являлись серединой сложной полицейской вертикали власти. Как указывалось в полицейском законодательстве, «высшее заведование» полицейской стражей принадлежит министру внутренних дел. В губернии полиция подчиняется губернатору. В уезде ею руководит исправник, а в стане – становой пристав [4, с. 8]. Согласно закону, становые приставы имели право объявлять чинам полицейской стражи выговор и подвергать их аресту на трое суток. Краткий арест виновные отбывали при уездном полицейском управлении или становой квартире [5, л. 2].

По вполне справедливому утверждению сибирского исследователя истории полиции С.Ю. Качурова, учреждение должности станового пристава, ответственного за тишину и порядок в части уезда, заметно усиливало сельскую полицию [12, с. 22]. Взаимодействию приставов и прочих должностных лиц крестьянского самоуправления способствовало создание постоянной канцелярии нижнего земского суда как аппарата управления сельской полицией, подчиненного земскому исправнику. Главной задачей сельской полиции являлось сохранение общественного спокойствия и благочиния, «усмирение всякого действия, противного верноподданническому долгу и послушанию, донесение о том начальству». Существенное внимание следовало уделять профилактике преступлений. На пристава возлагалось «предупреждение и прекращение всяких непозволительных и соблазнительных сборищ».

В случае необходимости приставы принимали «особенные», экстренные меры для «ограждения безопасности какого-либо селения, дома или частного лица». Их собственная неприкосновенность и особый статус тщательно охранялись законом. В 1862 г. олонецкий уездный суд рассматривал дело крестьянина М. Леонтьева, обвиняемого в неповиновении приставу и произнесении оскорбительных высказываний в его адрес. В итоге дело завершилось примирением сторон. Как указывалось в решении суда, «если

слова Леонтьева показались приставу оскорбительными», то причиной этого следует считать тот факт, что «он, кореляк, дурно объяснялся по-русски». Наказание ограничилось тем, чтобы обвиняемый «на будущее время все законные приказания должностных лиц исполнял безропотно». Суд предписал ему «оказывать по возможности приличное обращение под опасением взыскания по законам» [11, л. 34].

Сами становые приставы допускали в отношении местных жителей существенные злоупотребления. В составленном в местном жандармском управлении обзоре умонастроений в Вытегорском уезде указывалось, что местные чины уездной полиции в своих поступках «не вполне безупречны». Один из них, становой пристав Ошевенский, использовал «некоторые нежелательные приемы», а именно – применял «кулачную расправу в деле сбора податей» [17, л. 8]. Взыскание недоимок стало одной из наиболее важных обязанностей приставов, отнимавших значительную часть их рабочего времени. Судя по материалам ревизии делопроизводства приставов Петрозаводского уезда, проведенной в 1875 г., обнаружилась «медленность в исполнении по бумагам». В оправдание пристав отметил, что упущения происходят по «независящим от него причинам». Взыскания, «даже при их успешности, более всего отнимают времени и отвлекают от исполнения других дел и бумаг». Производство описи имущества – самое действенное «средство к побуждению к уплате». Но к такому мероприятию приставы прибегали «только в крайнем случае». В противном случае полиции пришлось бы заниматься исключительно одним этим трудоемким делом [10, л. 5].

Частью обязанностей пристава являлся надзор за состоянием дорог. Здесь он обязывался постоянно отслеживать положение дел на путях сообщения и неукоснительно требовать от своих подчиненных поддержания дорог в надлежащем состоянии. Претензии губернского начальства адресовались непосредственно приставам. В 1876 г., проезжая по дорогам вверенной его попечению территории, губернатор постоянно замечал, что верстовые столбы на дорогах находятся в «крайне неудовлетворительном

виде». На одних стерлись цифры, на других вовсе «нет дощечек». Некоторые столбы повалились набок или даже «оказываются совсем срубленными».

Плачевное состояние дорожных знаков не могло не беспокоить начальство по целому ряду важных причин. Губернатор, обратив внимание на приведение всех дорог во вверенной ему губернии в надлежащий порядок, «в виду могущего быть призыва запасных нижних чинов на службу», одновременно потребовал «привести и верстовые столбы в должный порядок». Ведь всем известно, что «исправное состояние их, при срочном следовании маршевых команд по дорогам, положительно необходимо для разных соображений». В свою очередь, приставы в суровой и решительной форме предупреждали подведомственных им сотских об их персональной ответственности за состояние дорог на вверенных им небольших участках. Пристав 2-го стана Петрозаводского уезда разослал своим подчиненным строгое распоряжение наблюдать, чтобы после каждого снегопада немедленно «был провозим подрядчиками треугольник». Сотские обязывались постоянно следить за транспортными путями и «понуждать к тому подрядчиков». Если они внезапно «окажут ослушание», надлежало сообщить о чрезвычайной ситуации приставу для принятия соответствующих мер. Если дорога окажется непроезжей по вине местной полиции, неизбежно последует суровое наказание. Как писал один из местных полицейских руководителей своему подчиненному, «если я лично увижу или кто мне сообщит, что дорога худая, то это будет с тебя взыскано» [26, л. 9].

Вопросы поддержания путей сообщения в надлежащем порядке стали важной, но далеко не единственной обязанностью приставов. Реалии начала XX в. принуждали их к расширению поля деятельности. Приставы осуществляли постоянный контроль над умонастроениями местного населения, в тесном взаимодействии с жандармерией заботились о сохранении политической благонадежности сограждан. В июне 1907 г. пристав первого стана Петрозаводского уезда расследовал дело о снятии со здания школы национальных флагов, вывешенных по случаю годовщины коронации. Как

выяснилось в процессе следствия, снять флаги распорядился один из учителей. На вопрос о причинах своих странных действий он объявил: «Что вам за дело, что я приказал снять со здания училища флаги, я хозяин училища, и полиция здесь ничего не выиграет». По распоряжению губернского правления мятежный учитель вскоре лишился занимаемой должности [20, л. 106].

Пристав первого стана Каргопольского уезда в 1907 г., получив сведения об агитации среди крестьян Ольгского общества «со стороны приживающего в деревне Калитинской ссыльного Королькова», немедленно допросил свидетелей [9, л. 12]. В числе прочих очевидцев событий пристав задал вопросы уряднику Макурову. Во время следствия полицейский заявил, что к нему обратился Назаров, один из местных крестьян, и попросил принять заявление, суть которого состояла в следующем. В середине августа, когда ссыльный Корольков проживал у него на квартире, Назаров заметил, что несколько крестьян регулярно собираются у ссыльного в комнате, где он читал крестьянам какую-то книгу. В ней кратко и в популярной форме говорилось о государственных доходах и расходах, «т.е. откуда берутся в государстве деньги и на что они расходуются». Прочитав несколько страниц, Корольков стал подробно объяснять собравшимся суть текста и, «между прочим, коснулся податей». Во время своего выступления он категорически заявлял изумленным крестьянам, что платить подати «не следует». Один из внимательно слушающих агитатора крестьян с иронией заметил, показывая на Королькова: «Мы были на войне, видали таких дураков, их слушать не следует». Услышав критические замечания, Корольков разразился бранью, а скептически настроенному слушателю пришлось покинуть комнату. Собранные о происшествии сведения полицейский передал для более профессионального расследования, адекватной оценки и принятия соответствующих мер в жандармерию [18, л. 12].

Аналогичные функции пристава, связанные с непрерывным взаимодействием с тайной полицией, проявились и в соседнем Лодейнопольском уезде. Обращаясь в жандармское управление, исправник

сообщал, что один из местных приставов в октябре 1906 г. производил дознание по делу об отказе в присутствии схода крестьянами деревни Кяргино Никитою Савельевым и Тимофеем Павловым платить недоимки и чинить дороги, «что они советовали и прочим крестьянам». Во время дознания выяснилось, что оба крестьянина были неоднократно замечены полицией в подстрекательстве односельчан к отказу от платежа податных сборов. Обвиняемые призывали и к иным формам открытого неповиновения волостным и сельским властям [22, л. 12]. Из дела, как нередко бывает, неясно, какие репрессивные меры приняли жандармы и местная полиция.

Другие задачи приставов, непосредственно связанные с предыдущими, заключались в заботе о том, чтобы на территорию епархии не проникали не одобренные Синодом и не проверенные цензурой книги церковного содержания. В 1911 г., как видно из рапорта пристава третьего стана Повенецкого уезда, у крестьянина Поросозерской волости полиция отобрала 13 сомнительных брошюр Евангелия на карельском языке, полученных из Куопиоской губернии Финляндского княжества [25, л. 1].

В 1911 г. губернское начальство обратило пристальное внимание на обязанности приставов, обобщая накопленный опыт и предлагая пути дальнейшего совершенствования их деятельности. Здесь приходилось учитывать местные условия и специфические особенности. В Петрозаводском уезде исполнение обязанностей пристава существенно осложнялось «промышленными условиями Мариинского водного пути» [27, л. 9]. Население Петрозаводского уезда «вообще выделяет из своей среды массу людей, занимающихся отхожими промыслами», что оказывает заметное воздействие на задачи полиции, осложняя ее деятельность. Возвращение домой рабочих из отхожих промыслов «вредно влияет на местную среду». Последствия такого влияния проявляются в виде разнообразных и регулярно повторяющихся эксцессов. К их числу относятся «увеличение пьянства, буйства, неуважение к местной власти, открытое сопротивление и вообще то повышенное настроение, которое вводит смуту в населении». Появление пришедших из городов рабочих

в конечном итоге приводит к «неудовлетворительному поступлению платежей». В северной части уезда растет быстро иная новая опасность, требующая, по мнению губернатора, пристального внимания и противодействия со стороны полиции. Угроза заключается в «поползновении всеми возможными мерами оторвать от нас искони преданное своему царю православное карельское население» [16, л. 3].

В ряде местностей губернии влияние на деятельность полиции оказывали суровые климатические условия и тесно связанное с ними неудовлетворительное состояние местных коммуникаций. В Повенецком уезде заметное влияние на исполнение обязанностей станowych приставов оказывало состояние путей сообщения. Здесь «громадные пространства покрыты топкими болотами». Через них приходится медленно «пробираться пешком по колена в тине» или энергично прыгать по разбросанным в болоте «необтесанным бревнам». Своевременное прибытие пристава на место происшествий и преступлений оказывается в такой ситуации маловероятным. «Бывало, – писал современник событий, – что при одновременных случаях важных происшествий пристав лишен возможности скоро явиться». Так возникают типичные нежелательные ситуации: «например, мертвое тело иногда по 8 дней лежит открытым на поверхности земли, пока не прибудет пристав» [16, л. 3-4].

Особые условия, связанные с полицейской службой, складывались и в Олонецком уезде. Здесь быстро растет численность пришлого населения, занимающегося бурлачеством на реке Свири. Возможность заработка привлекает «массу пришлого люда самого разнообразного характера». «Разгульное поведение» переселенцев неизбежно «сказывается на преступности, требующей более и более усиленной деятельности полицейского чина» [16, л. 4].

Поскольку важнейшей частью документа являлась просьба об увеличении финансирования полиции, МВД обратилось в министерство финансов с просьбой о выделении необходимых сумм. Рассмотрев обращение олонецкого губернатора, министерство заявило, что приводимые олонецким

губернатором соображения в пользу проектируемого им усиления полиции «представляются недостаточно убедительными». Указывалось на то, что численность станowych приставов, имевшаяся в Олонецкой губернии, была недостаточна по сравнению с «составом упомянутых чинов в других губерниях Европейской России». Определенные законом на тот момент нормы штатов полиции были полностью соблюдены и даже превышены, так как под надзором каждого из станowych приставов Олонецкой губернии находились «участки с населенностью в среднем всего лишь 21,6 тыс. жителей». Нормальным количеством жителей, которое может приходиться на один стан, повсюду «принято считать не менее 40000 человек». Практика применения закона показывала, что в большинстве губерний Европейской России оно достигало 50 или даже 60 тысяч жителей. «Затрудняясь согласиться на предположительное увеличение числа станов в Олонецкой губернии», министерство финансов согласилось только на добавление «одной должности станowego пристава для Повенецкого уезда». При принятии решения учитывалась «весьма значительная» площадь уезда, составляющая 35 238,3 кв. версты. Следовательно, в ведении каждого из имевшихся в нем станowych приставов находилось около 17 619 квадратных верст. Министерство финансов не усматривало также оснований для увеличения состава полицейской стражи. Ведь отмечалось, что «имеющееся ныне в Олонецкой губернии число стражников (202 чина) не только соответствует установленной норме (1 стражник на 2500 жителей), но даже значительно превышает ее» [13, л. 29–30].

В период Первой мировой войны приставам пришлось столкнуться с новыми, более массовыми, чем прежде, проявлениями общественного недовольства и нарушениями общественного порядка, вызванными экстремальными условиями. Судя по сообщению в Департамент полиции начальника местных жандармов, в мае 1916 г. крестьяне Вытегорской волости захватили чужие участки земли и стали «самовольно запахивать яровой хлеб». Прибывший на место конфликта пристав первого стана Родин приказал местным стражникам «объявить крестьянам о немедленном прекращении

самовольной пашни». Однако крестьяне не только не подчинились законным требованиям, но и явно готовились оказать вооруженное сопротивление. Они стали угрожать стражникам и приставу палками, вилами и даже топорами. Некоторые из местных крестьян «подстрекали солдаток бить стражников». Крестьяне поясняли, что женщины за проступок не понесут наказания: «судить их не будут, так как их, солдаток, может судить только государь». Видя, что своими силами справиться не удастся, пристав Родин вызвал подкрепление. По распоряжению вытегорского исправника Чехонина на место происшествия поспешно отправились еще семеро конных стражников, которым с трудом удалось пресечь беспорядки [7, л. 56].

Факты показывают, что повсюду в России потребность в увеличении численности офицеров полиции неуклонно росла. Между тем на фронте оказались многие лучшие представители низового звена полицейского руководства, в том числе и становые приставы. Они и на театре военных действий проявили свои ценные навыки, связанные с управлением личным составом. Бывший становой пристав первого стана Петрозаводского уезда Г.Ф. Анисимов, оказавшись на войне, умело командовал вверенным ему подразделением. За подвиги на поле брани он был «лично государем императором произведен в чин поручика гвардии». Получив офицерский чин, Анисимов успешно продолжил службу. Вскоре он вновь отличился во время атаки у города Холма. Здесь бывший пристав шел впереди своих подчиненных с обнаженной шпагой в руках. Воодушевленные его героическим примером солдаты добились важных успехов: «взяли два ряда окопов и два пулемета» [15, л. 22].

Несмотря на хронический кадровый голод, ответом на возникшие трудности в сфере поддержания порядка стало увеличение числа приставов и рост числа участков-станов. По решению губернского правления в декабре 1916 г., на основании высочайше утвержденных правил об усилении городской и уездной полиции, увеличилось число станов в Олонецком и Петрозаводском уездах. Поясняя причины своего решения, губернское правление указывало,

что в настоящее время, в связи с проведением в уезде железнодорожной линии, а также после постройки в Кондопоге азотного завода, население уезда значительно увеличилось за счет «пришлого рабочего элемента». Следовательно, заметно усложнились и должностные обязанности чинов «наружной полиции». Аналогичные новые обстоятельства возникли и в Олонецком уезде. В некоторых волостях ситуация требовала особого внимания полиции, поскольку они расположены на реке Свири, где проживало исключительно «промышленное население», значительную часть года занимавшееся лоцманством и бурлачеством. Здесь на железнодорожной ветке Петроград – Петрозаводск была построена станция «Свирь». Тут же на реке Свири предполагалось возвести пристань для загрузки и выгрузки товаров, направляемых в обе стороны. Растущая промышленность и новые пути сообщения привлекли в Важинскую и Мятусовскую волости «массу пришлого люда самого разнообразного характера». Возникла почва для многочисленных криминальных проявлений: разгульное поведение приезжих немедленно сказалось на преступности. Следовательно, здесь требовалась более активная профессиональная деятельность «полицейского чина, каковым является становой пристав» [9, л. 51].

Таким образом, приставы оставались на протяжении длительного времени неотъемлемой частью разветвленной структуры правоохранительных органов, сформированной в уездах, начиная с 1830-х гг. Расширение обязанностей приставов связано с появлением с 1870-х гг. в числе полицейских должностей новой структуры – урядников, подбор которых в значительной мере стал обязанностью приставов. В то же время их должностные полномочия претерпевали изменения, связанные с быстрым изменением общественно-политической ситуации в стране и заметным ростом всех разновидностей преступности. Постепенно все более существенную часть их деятельности составили правовая оценка деятельности граждан и расследование дел, связанных с политической неблагонадежностью определенной части местного населения.

Список литературы:

1. Андреевский И.Е. Реформа исполнительной полиции. СПб., 1878. 325 с.
2. Ахмедов Ч.Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4. С. 23-30.
3. Байгутлин Р.И. Развитие принципа территориальной юрисдикции в деятельности земской полиции Российской империи по реформе 1837 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29 (283). Право. Вып. 33. С. 102-106.
4. Волков Н. Полицейский стражник. СПб., 1912. 126 с.
5. Высочайшее повеление об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 619. Оп. 1. Д. 32/6. Л. 2, об.
6. Высочайше утвержденное положение о земской полиции // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1838. Собр. 2. Т. 12. № 10305. С. 463-470.
7. Донесение вытегорского исправника губернатору // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 65/16. Л. 56.
8. Журнал Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия. 7 мая 1871 года // Олонецкие губернские ведомости. 1871. № 39. С. 455.
9. Журнал присутствия Олонецкого губернского правления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2/54. Л. 51.
10. Записка о ревизии делопроизводства Петрозаводского городского полицейского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 5. Д. 10/266. Л. 5, об.
11. Записка Олонецкого уездного суда, составленная из дела, предосланного при предписании Олонецкой палаты государственных имуществ от 22 марта о грубостях, дерзостях и неповиновении начальству

крестьянина Леонтьева // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 169. Оп. 1. Д. 51/400. Л. 33-34, об.

12. Качуров С.Ю. Полиция Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 2002. 314 с.

13. Копия с отношения министерства финансов от 10 февраля 1912 года министру внутренних дел // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94/2436. Л. 29-30.

14. О разделении уездов Олонецкой губернии на станы // Олонецкие губернские ведомости. 1838. № 1. С. 9.

15. Письмо в редакцию журнала «Вестник полиции» от Олонецкого губернского правления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2772. Л. 22.

16. Письмо олонецкого губернатора министру внутренних дел от 29 января 1911 года // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94/2436. Л. 3-4.

17. Политический обзор Вытегорского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 14/174. Л. 8-11.

18. Протокол о задержании учителя Королькова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3/46. Л. 12 (Протокол).

19. Протокол, составленный приставом первого стана Каргопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3/46. Л. 12.

20. Протокол, составленный приставом первого стана Петрозаводского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 36/5. Л. 106.

21. Рапорт вытегорского уездного исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68/1689. Л. 5-6.

22. Рапорт лодейнопольского уездного исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68/1689. Л. 12-13.

23. Рапорт лодейнопольского исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 32/36. Л. 220.

24. Рапорт петрозаводского уездного исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72/1768. Л. 1-3.
25. Рапорт пристава третьего стана Повенецкого уезда губернатору // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 51/26. Л. 1.
26. Распоряжение уездного исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 620. Оп. 1. Д. 5/7. Л. 13-14.
27. Распоряжение пристава второго стана Петрозаводского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 620. Оп. 1. Д. 5/7. Л. 9.
28. Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.). Рязань: Узорочье, 2001. 346 с.
29. Фукс В. Суд и полиция. В двух частях. СПб., 1881. Ч. 2. 432 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.